

Г.Алиева-Кенгерли. Сакральная символика чисел и цветов в поэме Низами Гянджеви «Семь красавиц» // Əlyazmalar yanmir. 2021, №2(13), s.17-25

УОТ: 82-1.512.162.

Гюльшен Алиева-Кенгерли
доктор филологических наук, профессор
Азербайджанский Государственный Университет Культуры и Искусств
Баку, пр. Иншаатчылар 39.
e-mail: gulshenkengerli@mail.ru

САКРАЛЬНАЯ СИМВОЛИКА ЧИСЕЛ И ЦВЕТОВ В ПОЭМЕ НИЗАМИ ГЯНДЖЕВИ «СЕМЬ КРАСАВИЦ»

Резюме

Классик восточной поэзии и азербайджанской литературы эпохи Ренессанса - Низами Гянджеви в XII веке и народный поэт Расул Рза в XX веке мастерски использовали цвета в процессе создания философской поэзии – поэтической философии.

Сакральная символика чисел и цвета в средневековье служили подручным средством для объяснения бренности бытия и таинства мира. Подобный образ мысли происходил из древнетюркской культуры. В четвертой поэме знаменитой «Хамсе» (Пятерицы) – поэме «Семь красавиц» Низами Гянджеви использовал цвето-числовую символику.

Ключевые слова: «Семь красавиц», цветовые ассоциации, сакральная символика чисел и цветов, число семь.

Вступление

Выражение художественно-философской мысли цветовыми ассоциациями является характерной чертой древнетюркского мировоззрения. Древние тюрки, образ жизни которых был тесно переплетен с природой и естеством, черпали вдохновение в красках, рожденных самой первостихией. В этом смысле ценными примерами изобилует дастан «Китаби-Деде Горгуд» - выдающийся тюркский эпос, ценный памятник азербайджанской устной и письменной литературы. Так, например, в эпосе воспевается образ прекрасной Сельджан хатун в желтом одеянии.

Многовековой азербайджанской поэзии присущи четкие метрические формы и цифровая символика. Как справедливо отмечал Спиноза, миром правят величины. Применительно к восточному письму ярким тому примером является абджад в хуруфизме.

В одном из авторитетных изданий недавних лет отмечалось: «Четвертое произведение «Хамсе» - «Семь красавиц» символизирует семь странников. Семь своих новелл, пронизанных единой сюжетной линией, поэт отождествляет с семью созвездиями и находящимися под их покровительством семью цветами, восходящими

к семи дням недели (черный – Сатурн - суббота, желтый-Солнце-среда, зеленый – Луна - понедельник, красный-Марс-вторник, белый-Венера-пятница). Произведение многопланово, красочно и пластично. Сюжет поэмы повествует о жизни и правлении главного героя - Бахрама» (см. 4). Так, в поэме «Семь красавиц» цветовая мистика может быть осмыслена и интерпретирована в единстве с числовой символикой: 7 красавиц, 7 фей, 7 куполов, 7 дней, 7 цветов, 7 созвездий..!

В целом, в тюрко-мусульманском мире 7 считается сакральным числом. В исламе на 3, 7 и 40 (в северных регионах - и на 52-й (!)) дни после смерти человека принято проводить поминки по усопшему. Считается, что на третьи сутки после смерти плоть отделяется от костей, на седьмые сутки - кости размыкаются, а на 40-й день душа покидает бренное тело. Согласно поверьям, поминки в эти дни облегчают мытарства усопшего в ином мире. Сороковины символичны в том числе в жизни молодой невесты, только вступившей в замужнюю жизнь, и новорожденного. В эти дни они защищены от испуга, наветов, порчи и дурного глаза, могущих привести к разного рода психологическим расстройствам еще не вполне окрепшего организма.

Цифра 7 служила «золотым ключиком» к разгадке тайнств мироздания в древнем шумерском и тюркском шаманстве, составляла основу наук космогонии и теологии. (См.: 2; 3)

Символ красоты благословенных небес - радуга имеет семь цветов, 7 - символ сотворения вселенной. На этом сакральный смысл числа 7 в произведении, разумеется, не исчерпывается.

Бахрам, проведший беззаботные дни в волшебных дворцах, окрашенных в семь цветов, приходит в ужас, внимая рассказам семи безвинных узников, заточенных в темницу визирем. Этот параллелизм (семь красавиц – семь узников) является ключом к постижению сути произведения и общественной мысли поэта (См.: 4)

Таким образом, произведение воплощает в себе поэтические системы в трех плоскостях: романтик Бахрам шах предается счастьем в окружении семи красавиц; мистические загадки созвездий и звезд о Вселенной; реальность - правда устами семи узников. Слова заключенных о визире Раст-Ровшане словно пробуждают Бахрам шаха, предающегося сладостным утехам в окружении семи прекрасных дев. В поэме раскрываются общественно-исторические взгляды Низами Гянджеви, его представления о гуманизме и справедливом вершении судеб. Художественно-философское содержание произведения обретает новое осмысление.

«Хамсе» Низами Гянджеви - второй после «Деде Горгуда» грандиозный успех тюркской художественно-философской мысли, бесценный шедевр азербайджанской литературы. «Хамсе» занимает достойное место в одном ряду с «Илиадой» и «Одиссеей» Гомера, «Шахнаме» Абулькасима Фирдоуси.

Пять произведений «Хамсе» поражают великолепием и являются вершиной идейно-художественного расцвета Восточного ренессанса. Читая эти произведения, весь мир восторгается гением азербайджанской художественной мысли XII века.

Четвертое произведение «Хамсе» - поэма «Семь красавиц» отличается по своей структуре (полифонизму в целом!). В этом произведении Низами затрагивает проблему справедливого правителя, справедливого общества. На ее решении построена сюжетная композиция произведения. Справедливые правители в мечтах Низами постигают истину в жизненных, поучительных ситуациях. Хосров - любовью Ширин, Бахрам - советом старца, казнившего неверного пса.

Поэму «Семь красавиц» условно можно разделить на три части: 1) восхождение Бахрам Гура на престол; 2) строительство семицветных дворцов, в которых Бахрам

шах предавался утехам в обществе семи красавиц; 3) рассказ семи безвинных пленников после наставления старого пастуха.

7 частей, отражающих основную художественно-философскую суть поэмы, сами по себе являются вполне самостоятельными произведениями. Можно с уверенностью утверждать о том, что каждый рассказ, повествуемый устами семи красавиц – это отдельное поучительно-дидактическое произведение. 7 дней, проведенных в окружении 7 красавиц, – это не только дни утех и развлечений, но и 7 назиданий. Неслучайно, именно благодаря рассказам 7 красавиц, Бахрам шах словно прозревает и осознает, что визирь Раст-Ровшан, пользуясь ситуацией, создает смуту в его пределах, творит несправедливость, грабит казну, губит армию, бросает ни в чем не повинных людей в кандалы...

Новаторство и полифоничность поэмы «Семь красавиц» обусловлены искусно закодированным в строках Низами Гянджеви сакральным числом 7 и мистикой 7 цветов.

Странствуя по назиданию Нумана, главный герой находит зодчего Симнара в Руме и велит ему построить замок Хаварнак:

*Пятилетие трудился над постройкой он.
Был рукою златоперстой дивно возведен
Замок, башенки вздымавший к звездам и луне,
Сновиденьем возникавший в синей вышине.
И второй Каабой в мире этот замок стал.
Был резьбой он весь украшен, золотом блистал,
Горною лазурью, краской, что красней зари.
Наподобье неба сделан купол изнутри ... (5, стр. 342).*

Войдя во дворец, Бахрам шах приходит в неопишуемый восторг:

*Этих семерых красавиц сам изобразил
Маг Симнар и всех в едином круге заключил.
А посередине круга — будто окружен
Скорлупой орех — красивый был изображен
Юный витязь. Он в жемчужном поясе, в венце.
И усы черны, как мускус, на его лице.
Словно кипарис, он строен, с гордой головой.
Взгляд горит величиьем духа, ясный и живой.
Семь кумиров устремили взгляды на него,
Словно дань ему платили сердца своего.
Он же ласковой улыбкой отвечает им,
Каждою и всеми вместе без ума любим.
А над ним Бахрама имя мастер начертал.
И Бахрам, себя узнавши, надпись прочитал.*

*Это было предсказанье, речь семи светил:
«В год, когда воспрянет в славе витязь, полный сил, —*

*Он добудет семь царевен из семи краев,
Семь бесценных, несравненных, чистых жемчугов.
(5, стр. 362-363).*

Бахрам шах велит лучшему ученику зодчего Синана – Шида построить семь дворцов с куполами. Искусность мастерства Шида Низами воспекает строками:

*Светлый ликом, словно солнце, звался он Шида;
Живописец — чувств исполнен, вдохновлен всегда,*

*Геометр и математик, врач и астроном,
Был он в зодчестве прославлен дивным мастерством.*

*Словно воск, податлив камень был в его руках,
Яркий блеск его мозаик не погас в веках.*

*Он узорною резьбою зданья украшал,
И по извести картины красками писал.*

*На дворцы, что он построил, сведущий, взгляни! —
Восхитил бы он Фархада сердце и Мани.*

Шида представился Бахрам шаху строками:

*«Если будет мне согласие шаха и указ —
Устраню я от Ирана наговор и сглаз.*

*Я ученый и астролог. До высоких звезд
Мною знанья тайн небесных перекинут мост.*

*Был провидения дан мне при рожденье дар,
Зодчеству меня премудрый научил Симнар.*

*Зрел я тайное, на звездный глядя небосвод,
Что планет стеченье шаху зла не принесет.*

*И пока в кумире праха жить он обречен,
Пусть светил небесных гнева не страшится он.*

*Тело шаха будет цело, как его душа,
На земле он будет, словно на небе Луна». (5, стр. 438).*

В этих строках заключены воззрения Низами об искусстве: переплетение искусной, вдохновенной резьбы и зодчества в исполнении Шида с оваянной мистикой астрологией...

По рассказам семи красавиц Бахрам шах ближе знакомится с их странами. В субботу Бахрам направляется во дворец под черным, как ночь, куполом и внемлет повествованию индийской принцессы о черном цвете. Черный цвет выбран отнюдь не случайно.

*Мы ее расспрашивали: «Почему, скажи,
В черном ты всегда приходишь? Молвим: удружи*

*И открой, о чем горюешь, слиток серебра?
Черноту твоей печали выбелить пора!*

*Ты ведь к нам благоволеньем истинным полна;
Молви, почему ты в черном? Почему грустна?»
(5, стр. 445).*

В конце повествования раскрывается тайна:

*И когда мой шах мне повесть эту рассказал, —
Я – его раба – избрала то, что он избрал.*

*В мрак ушла я с Искендером за живой водой!..
Ярче месяц – осененный неба чернотой.*

*И над царским тронном черный должен быть покров.
Черный цвет прекрасен. Это лучший из цветов.*

*Рыбья кость бела, но скрыта. Спины рыб черны.
Кудри черные и брови юности даны.*

*Чернотой прекрасны очи и осветлены.
Мускус – чем черней, тем большей стоит он цены.*

*Коль шелка небесной ночи не были б черны, —
Их бы разве постилали в колыбель луны?*

*Каждый из семи престолов свой имеет цвет,
Но средь них сильнейший – черный. Выше цвета нет.
(5, стр. 484).*

Шах восхищается рассказом индийской красавицы, ее умом и вкусом.

В воскресенье Бахрам шах направляется во дворец под желтым куполом. Прекрасная Ягманаз рассказывает правителю о мудрости, сокрытой в символике желтого цвета:

*Золото нам наслажденья чистые дарит,
И халва с шафраном, словно золото, горит.*

*Не гляди на то, что желтый он такой – шафран!
Видишь смех, что вызывает золотой шафран?*

*Золото зари рассветной по душе творцу,
Поклонялись золотому некогда тельцу.*

*И в румийских и багдадских банях — только та
Глина ценится, что, словно золото, желта.*

(5, стр. 502).

В понедельник Бахрам навещает дивную Назпери, живущую во дворце с зеленым куполом. Она рассказывает о мудрости, заключенной в символике зеленого цвета.

*Зелень одеяний лучше желтой полосы.
Стройный кипарис в зеленом - образец красы.
Скорбь сердечную зеленый утешает цвет.
Светлых ангелов зеленый украшает цвет.
И душа другим зеленый предпочла наряд.
Рощам и лугам зеленым радуется взгляд.
Любит цвет листвы зеленой свежая весна,-
Потому - всегда и всюду - свежестъ зелена.
А когда луна Хорезма кончила рассказ,
Обнял шах отраду сердца, утешенье глаз.*

(5, стр. 523).

Во вторник правитель является во дворец с красным куполом и наслаждается обществом славянской княжны. Красавица рассказывает правителю поучительную историю о сакральной символике красного цвета:

*Красный цвет красою блещет, коей в прочих нет,
Этим лал ценней алмаза - алый самоцвет.*

*Золото «червонной серой» называешь ты;
Нет у золота одежды лучше красоты.*

*Кровь, с душою связанная, оттого красна,
Что тонка, легка в полете, как душа, она.*

*Если красоты телесной в мире ищешь ты,
Помни: розы щек – основа всякой красоты.*

*Роза лучшая не будет ханшею садов,
Если нет у ней горящих кровью лепестков!»*

*А когда рассказ царевна кончила чудесный,
Словно россыпь роз, зарею вспыхнул мрак небесный.*

*И лицо Бахрама в этом блеске алых роз
Стало красным, с ароматным сходно соком роз.*

*Он к славянской красной розе руку протянул,
Обнял стан ее и в неге близ нее уснул.
(5, стр. 547).*

Затем шах приходит во дворец под бирюзовым куполом и проводит время с пятой красавицей своего гарема.

В четверг он внемлет повествованию о сандаловом цветке, а в пятницу постигает магию белого в обществе седьмой принцессы.

Низами посвящает бирюзовому цветку такие строки:

*И пока стоит на месте синий небосвод,
Слава тем, кто в край блаженный с миром отойдет.*

*А живущим всем мы будем, как надежный щит,
Одарим добром, надеждой, не творя обид.*

Сандаловому цветку:

*На углях горел алоэ, жарко тлел сандал;
Как индийцы на молитве, дым вокруг вставал.*

*Для поклонников Зардушта рдел живой огонь,
Был источником веселья золотой огонь.*

*В устье каменном, в жаровнях ярко рдел огонь,
Словно шелк золотоцветный, пламенел огонь.*

*Пламя — ягода грудная — угли разожгло,
Киноварью сердцевины угля налило.*

*Яблоком без сердцевины красный уголь рдел,
В сердцеvine он гранатом спелым пламенел.*

*Россыпью он тлел янтарной, окроплен смолой,
Жарко искрился, подернут пеплом и золой.*

*Чернотой раскаленной пламенел сандал,
Как тюльпаны в косах гурий, кровенел сандал.*

Белому цветку

*Происходит свет прекрасный дня — от белизны.
И от белизны небесной светел блеск луны.*

*Чистых нет цветов. С изъясном каждый в мире цвет,
Кроме белого, — в одном лишь в нем изъясном нет.*

*Все, что чистотой блистает, все, что запятнать
Невозможно, мы привыкли «белым» называть.*

*И в часы служений богу, перед алтарем
Вечного, мы в одеянье белом предстаем.
(5, стр. 637).*

«Завяжу твой день узелком небесного цвета», - говорили древние тюрки, грозясь и страдая. Эта фраза и ныне употребляется в северных регионах Азербайджана.

Вывод

Согласно европейскому мировоззрению, верованиям западного и русского народов, белый цвет является символом капитуляции, смирения и мира. У тюрков-азербайджанцев белый цвет отождествляется с любовью, чистотой, счастьем и радостью. Девушки ждут своего суженого - принца на белом коне. В знак чистоты и невинности невесты облачаются в белые одеяния. Взаимосвязь чисел и цветов с национальной символикой и астрологией еще недостаточно изучена. А ведь цифры являются зашифрованной информацией, памятью человечества и способом постижения Вселенной. Гениальный Низами Гянджеви мастерски использовал мистику чисел и цветов для описания человеческой сути, общества и поднебесья. Именно в цифрах и цветах заключены сакральные послания Низами, раскрывающие мощь его творчества и поэтического дарования.

Список использованной литературы:

1. Абдуллаев Б. «Цветовая символика в Китаби-Деде Горгуд», Баку, Чашыоглу, 2004.
2. Гумилев Л. «Древние тюрки», Баку, «Гянджлик», 1999 г.
3. Габибоглу В. «Мировоззрение древних тюрков», Баку, изд-во «Гартал», 1996.
4. История азербайджанской литературы (в шести томах), II том, Баку, изд-во «ЭЛЬМ», 2007.
5. Низами. Лирика «Сокровищница тайн». «Семь красавиц», Баку, 2011.

Gülşən Əliyeva-Kəngərli

Nizami Gəncəvinin “Yeddi gözəl” poemasında rəqəm və rəng mistikası

Yaxın Şərqlə və Azərbaycan intibah ədəbiyyatının zirvəsi Nizami Gəncəvi XII əsrdə, xalq şairi Rəsul Rza isə XX əsrdə fəlsəfi poeziya – poetik fəlsəfə yaradarkən rənglərdən məharətlə istifadə etmişdir. Rəqəm və rəng mistikası orta əsrlərdə həm müdrik aləmi, həm də mistik aləmi izah etmək üçün əlverişli vasitə olmuşdur. Bu qədim türk düşüncə mədəniyyətindən irəli gələn bir keyfiyyət idi. Nizami Gəncəvi möhtəşəm “Xəmsə”yə daxil olan dördüncü poemada – “Yeddi gözəl” əsərində rənglərlə bərabər, həm də rəqəm mistikasından istifadə etmişdir. Azərbaycan (Türk) düşüncəsinə görə ağ rəng xoşbəxtlik, səadət, sevgi - ağ gün rəmzidir. Qızlar öz sevgililərini - Ağ atlı oğlanı arzulayırlar və gözləyirlər. Gəlin köçəndə xoşbəxtlik simvolu kimi ağ paltar geyinirlər.

Hələ rəqəmlərin və rənglərin milli şüurla bağlılığı, göylər və səma ilə, nücum elmi ilə əlaqəli kifayət qədər tədqiq olunmayıb. Halbuki rəqəmlər bəşərin nail olduğu kodlaşmış yaddaş, rənglər kainatı dərk etməyin vasitəsidir. Dahi Nizami Gəncəvi rəqəm və rəng

mistikasından İNSANI, cəmiyyəti və kainatı- səmanı izah etmək üçün sənətkarlıqla istifadə edib. Nizami yaradıcılığının, onun dahililiyinin sirri də məhz rəqəmlərdə və rənglərdədir.

Açar sözlər: "Yeddi gözəl", rəng birləşmələri, rəqəm və rəng mistikası, yeddi nömrə

Gulshan Aliyeva-Kangarli

The number and color mysticism in Nizami Ganjavi's "The Seven Beauties"

The expression of artistic and philosophical ideas through color associations is a special feature of Turkish thinking of the ancient period. Ancient Turks, whose lifestyles were more connected with nature than with society, used all the colors that existed in the nature and adorned it for the happiness of their lives. "Kitabi-Dada Gorgud", a unique monument of Turkic epic culture, as well as of oral and written literature of Azerbaijan, in this sense still contains valuable examples. Nizami Ganjavi used the mystique of numbers as well as colors in his fourth poem, "The Seven Beauties", a part of the magnificent Khamsah (a collection of five books). The part, which describes the seven beauties and expresses the main artistic and philosophical essence in this poetical work, is an independently heavyweight in every sense.

Nizami's "Khamsah", a masterpiece of Azerbaijani literature, is the first greatest artistic and philosophical contribution to the Turkish artistic thought outside the heroic epic "Kitabi-Dada Gorgud". The "Khamsah" can be compared only with Homer's Iliad and Odyssey and Abul-Gasim Firdovsi's "Shahnameh". All the five epic poems of the Khamsah are great, viewed as the idea and art pinnacle of the Oriental Renaissance. By reading these romantic epics, the world is still fascinated with the genius of the 12th-century Azerbaijani artistic thought.

Key words: "Seven beauties", color associations, sacred symbolism of numbers and colors, number seven.